

Всю дорогу домой Лу Цинчэнь внимательно наблюдала за Фэн Кэянь и заметила, что та, кажется, повеселела. Хотя Лу Цинчэнь не знала причины, её собственное настроение невольно улучшилось при виде перемен в состоянии Фэн Кэянь.

М-м.

Настроение действительно было приподнятым — даже щебет Лу Цзыюй, доносившийся с заднего сиденья, казался теперь куда приятнее.

Вернувшись в Ланьтин, Лу Цзыюй вихрем умчалась в кабинет, чтобы дочитать свой роман. Она без умолку твердила, что книга просто потрясающая и оторваться от неё невозможно.

Фэн Кэянь, которой нечем было заняться, решила последовать примеру Лу Цзыюй и, порывшись на полках, выбрала книгу по истории.

Лу Цинчэнь тем временем помыла фрукты, заварила чай и поставила угощение рядом с обеими девушками. Встретив благодарную улыбку Фэн Кэянь, она не удержалась и на мгновение коснулась её макушки.

Движение было легким и быстрым, словно весенний ветерок, едва коснувшийся глади озера и оставивший после себя лишь крошечную рябь.

Фэн Кэянь была застигнута врасплох, но, как ни странно, это прикосновение не вызвало у неё отторжения — напротив, на душе стало чуточку радостнее.

Не успела Фэн Кэянь опомниться, как Лу Цинчэнь уже убрала руку, отвела взгляд и, сохраняя невозмутимый вид, села за рабочий стол, чтобы просмотреть отчеты на планшете.

Лу Цзыюй, погруженная в чтение, ничего не заметила, иначе наверняка расстроилась бы. Она бы точно заявила, что тётушка никогда не гладила её по голове, а значит, больше не любит.

Лу Цзыюй, жуя виноград, про себя утвердилась в мысли: тётушка всё-таки любит её. Пусть не так сильно, как Фэн Кэянь, но всё же лучше, чем совсем ничего. Она была человеком неприхотливым: есть любовь — и ладно, а много её или мало — не так уж важно.

Кабинет был достаточно просторным, так что троим в нём не было тесно. Время словно ускорилося: солнце, еще недавно стоявшее прямо над головой, стремительно сместилось к западу, и свет в комнате начал меркнуть.

Наконец, тишину нарушила Лу Цзыюй. Она захлопнула книгу и с сожалением произнесла:

— Ох, наконец-то дочитала. Как же здорово написано!

Услышав её, Фэн Кэянь и Лу Цинчэнь вернулись в реальность из своих мыслей.

От долгого чтения у Лу Цинчэнь, которая и так страдала близорукостью, немного закружилась голова. Она сняла очки и несколько десятков секунд приходила в себя, но в глазах всё равно осталось неприятное жжение.

Лу Цинчэнь привычно нахмурилась. Между бровей залегла складка, и её лицо сразу стало выглядеть намного строже.

Фэн Кэянь впервые видела Лу Цинчэнь нахмуренной. Она на мгновение замерла, невольно вглядываясь в её лицо. Она заметила, что, когда Лу Цинчэнь хмурится и не улыбается, она кажется холодной, как лед, и неприступной, словно вокруг неё высится невидимая стена.

Фэн Кэянь на секунду растерялась. Какая же из них настоящая? Та, что улыбается с лучистыми глазами, или эта — невозмутимая и ледяная?

Не успела она додумать, как Лу Цинчэнь вдруг пересела ближе, склонилась к ней и посмотрела прямо в глаза. Её брови расправились, и она мягко улыбнулась.

Всё та же нежная и привычная Фэн Кэянь маска.

Лу Цинчэнь посмотрела на Фэн Кэянь и мелодичным голосом спросила:

— Что хочешь на ужин?

Не дожидаясь ответа, Лу Цзыюй перебила её:

— Тётушка, я хочу твою свинину в кисло-сладком соусе!

Лу Цинчэнь повернула голову и посмотрела на племянницу с ироничной улыбкой. Лу Цзыюй вжала голову в плечи, бросила на Фэн Кэянь умоляющий взгляд и робко прошептала:

— Тётушка Кэянь...

Голос её звучал так жалобно, что невозможно было не проникнуться сочувствием. Фэн Кэянь, видя эту картину, искренне рассмеялась. Посмотрев на Лу Цинчэнь, она поддержала племянницу:

— Я тоже хочу твою свинину в кисло-сладком соусе.

Лу Цинчэнь покладисто спросила:

— Хорошо. Есть ещё пожелания?

— Можно брокколи с чесноком? — предложила Фэн Кэянь.

— Можно, — ответила Лу Цинчэнь, и в её голосе сквозило явное обожание.

Видя эту идиллию, Лу Цзыюй тихо добавила:

— И мясо по-сычуаньски.

— Договорились, — кивнула Лу Цинчэнь и поднялась. — Лу Цзыюй, иди помогай мне мыть овощи.

— Хорошо, тётушка!

Хотя Лу Цинчэнь несколько раз просила Фэн Кэянь не заходить на кухню, та настояла на том, чтобы помочь — мол, так вкуснее, когда готовишь сам. Лу Цинчэнь не оставалось ничего, кроме как уступить.

Так трио из кабинета переместилось на кухню. Разделение труда было четким: Лу Цзыюй чистила овощи, Фэн Кэянь их мыла, а Лу Цинчэнь взяла на себя нарезку и саму готовку.

Втроем работа спорилась. Когда дело дошло до жарки мяса, Лу Цинчэнь выставила Фэн Кэянь и Лу Цзыюй за дверь, заявив, что лишние люди мешают её кулинарному таланту. Фэн Кэянь попыталась было возразить, но Лу Цинчэнь была непреклонна. Пришлось ждать.

Когда Лу Цинчэнь вышла, она выглядела всё так же свежо и опрятно: ни волоска не выбилось из причёски, очки сияли чистотой. Однако на её белоснежной руке виднелось небольшое красное пятно — след от брызг раскаленного масла, совершенно чужеродный на фоне гладкой кожи.

Сердце Фэн Кэянь сжалось: она слишком часто видела такие ожоги на руках своего отца. В её глазах невольно отразились тревога и забота. Лу Цинчэнь чутко это уловила, покачала головой, показывая, что всё в порядке, и попросила Фэн Кэянь не волноваться.

Затем она отправила Лу Цзыюй накрывать на стол, а сама пошла переодеться.

Когда Лу Цинчэнь вернулась, на ней уже была рубашка с длинным рукавом, аккуратно заправленная в брюки. Все пуговицы были застегнуты, кроме самой верхней, открывавшей вид на изящную ключицу. Она выглядела строгой и собранной.

Лу Цзыюй сидела за столом, глядя на аппетитные блюда, и едва сдерживалась, чтобы не начать есть — она уже была готова умереть от голода. Несмотря на свою непосредственность, Лу Цзыюй с детства была воспитана Лу Цинчэнь и матерью в духе хороших манер, поэтому никогда не бралась за палочки, пока все не сядут за стол.

Лу Цинчэнь посмотрела на Фэн Кэянь и сказала:

— Приятного аппетита.

— Приятного, — отозвалась Фэн Кэянь.

За едой Лу Цзыюй не переставала хвалить блюда:

— Тётушка, это просто невероятно вкусно! Если бы ты работала поваром, это было бы преступлением против кулинарии — не использовать такой талант.

— Хочешь, чтобы я устроилась в компанию по жарке овощей? — парировала Лу Цинчэнь.

— Э-э... — Лу Цзыюй на секунду замолчала. — Тётушка, считай, что я ничего не говорила, а ты ничего не слышала.

Лу Цинчэнь беспомощно улыбнулась. Племянница всегда была такой: что на уме, то и на языке, озорная и живая — невозможно не любить.

— Когда экзамен по вождению? — неожиданно поинтересовалась Лу Цинчэнь.

Лу Цзыюй решила не отвечать сразу, а вместо этого театрально воскликнула:

— Ого! Тётушка, ты начала обо мне беспокоиться? Тётушка Кэянь, я ведь не ослышалась?

Она подвинулась ближе к Фэн Кэянь, делая вид, что находится в полном шоке.

Фэн Кэянь добродушно подыграла ей:

— Нет, ты не ослышалась.

— О-о-о, великий трудоголик наконец-то вспомнил о моих правах! — Лу Цзыюй, чувствуя поддержку Фэн Кэянь, совсем перестала стесняться Лу Цинчэнь.

— Лу Цзыюй, — строго окликнула её та по имени.

— Докладываю, госпожа Лу: экзамен назначен на утро следующей среды, — уже серьезно ответила Лу Цзыюй.

Лу Цинчэнь глубоко вздохнула и коротко ответила:

— Понятно.

Наблюдая за перепалкой тети и племянницы, Фэн Кэянь невольно улыбнулась. Лу Цзыюй была очень милой. Да и Лу Цинчэнь, как оказалось, тоже.

Фэн Кэянь сделала для себя вывод.

<http://bllate.org/book/19080/1873828>